

В. Г. ЗУБАРЕВ, Е. Е. СЕДЫХ

ПЛАНИРОВКА И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЗАСТРОЙКИ ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ» ВО II – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ V вв. н. э.

Городище «Белинское» расположено на южной окраине села Державино (ныне нежилого), в 1,5 км от села Белинское (Керченский полуостров) (рис. 1). По уточнённым данным, время его основания относится к началу II в. н.э. [Зубарев, Куликов, 2011, с. 178]. Городище занимало узловое место в системе обороны Европейского Боспора, с одной стороны, а, с другой, находилось на скрещивании путей, ведущих как к северу, в сторону степного Крыма, так и к югу, в сторону Феодосии [Зубарев, 2005, с. 284-285]. Оно значительно выделяется среди подобных поселений, прежде всего своими размерами. Общая площадь распространения культурного слоя более 12 га, площадь внутри периметра оборонительных стен около 9 га (рис. 2) (для сравнения площадь Илурата 2 га, площадь Ново-Николаевского городища – 1,5 га [Масленников, Чевелёв, 1983, с.91]).

Поселение находится в большой естественной котловине на крутом берегу реки Аджиэль. Такой выбор местоположения не случаен: здесь прослеживается традиционное как для Европейского Боспора, так и для всего Северного Причерноморья в целом стремление максимально использовать естественные условия в целях обороны поселения. Однако, как показали раскопки последних лет, естественная конфигурация плато, на котором возникло городище, в древности была несколько иной. Южная часть плато была значительно ниже и почти не возвышалась над окружающей местностью. Это обстоятельство привело к необходимости предварительной ландшафтной перепланировки, в первую очередь, под возводимые по периметру оборонительные стены. Археологически этот этап строительства прослеживается достаточно чётко.

Следует отметить, что место, выбранное строителями для возведения нового населённого пункта, было освоено людьми задолго до времени основания городища. Раскопками 2012 года на южном склоне плато под слоем насыпи, выравнивающей местность, выявлены остатки значительно более раннего поселения. О времени его функционирования пока говорить рано, но ясно, что его и возведённое к началу II в. н. э. городище разделяет не одно столетие. Кроме этого, во время раскопок неоднократно обнаруживались находки керамики эллинистического времени и даже несколько фрагментов

рубежа VI – V вв. до н. э. Они нигде не образуют слоя, но присутствуют в качестве единичных включений в напластованиях римского времени.

Как показали исследования на разных участках, площадь плато, на котором расположено городище, осваивалось одновременно и по единому плану. Археологический материал, накопленный за 17 лет систематических раскопок, в сочетании с данными магнитной съёмки позволяют достаточно уверенно реконструировать общую планировку первоначальной застройки и определить направление эволюции поселения.

Ко времени возникновения городища созданная при Асандре оборонительная линия уже не функционировала, однако система валов была частично восстановлена, причём не только для защиты территории, но и для закрепления здесь в качестве надёжной базы для полномасштабного освоения территории к востоку от вала и активной экспансии на запад [Зубарев, 2008]. Построенное городище в этой новой организации подконтрольной Боспору территории играло если и не ключевую, то, во всяком случае, важнейшую роль.

В зоне непосредственной видимости (сигнальной доступности) от него во II-III вв. н. э. находилась целая сеть меньших по площади, но типологически близких ему городищ, которые А. А. Масленников объединяет в две основные группы. К первой относятся «крепости, укреплённые военные лагеря с сопутствующим «посадам», располагавшиеся на пересечении важных дорог или в иных столь же примечательных пунктах», ко второй – «типичные городища», продолжающие местные предшествовавшие традиции. Городище «Белинское» в этой иерархии занимает вершину «пирамиды» в соседстве с Илуратом и Савроматием и определяется уже скорее как «городок – крепость» [Масленников, 2001, с. 96-97].

В истории городища выделяется три строительных периода. Их уточнённые хронологические рамки выглядят следующим образом:

- 1) начало II в. н. э. – середина – 3-я четверть III в. н. э.;
- 2) последняя четверть III в. н. э. – первая четверть IV в. н. э.;
- 3) 2-я четверть IV в. н. э. – 1-я половина V в. н. э.

Оборонительная система городища.

Первый период.

Основным элементом оборонительной системы городища на начальном этапе его существования являлась мощная оборонительная стена, которая и определяла границы поселения, отделяя его от прилегающей сельскохозяйственной территории и некрополя. Для её возведения часть территории естественного холма была поднята над прилегающей местностью с помощью искусственной насыпи (на южном участке высота насыпи более 1 м, и именно на ней расположены все постройки первого периода на раскопе «Южный», включая юго-восточную оборонительную стену). Кроме того, участки, отведённые под

строительство стен периметра, тщательно выравнивались с помощью плотного покрытия из известковой крошки, которое выявлено на всех исследованных участках как с внешней стороны периметра, так и внутри него.

Участки оборонительной стены (в основном на уровне фундамента) выявлены к настоящему времени по северо-западной, юго-западной и юго-восточной границам холма, на котором располагалось поселение. Северо-восточная граница исследована ещё недостаточно, однако в разрезе грунтовой дороги, проходящей вблизи северного угла городища, хорошо видны остатки фундамента, который вполне может относиться к северо-восточной оборонительной стене. Впрочем, на восточном, наиболее высоком участке холма, имеющем крутой склон в сторону Аджиэльской балки, оборонительной стены вообще могло не быть (рис. 2).

На раскопе «Северный» северо-западная оборонительная стена (№6) прослеживается на длину около 90 м¹ (рис. 3). На раскопе «Западный» выявлен её стык с юго-западной стеной оборонительного периметра (№ 111) (исследованный участок 2,4 м) (рис. 4). На раскопе «Южный» юго-западная стена исследована на участке 13 м до её соединения с юго-восточной оборонительной стеной.² Юго-восточная оборонительная стена (№ 81) прослежена на длину около 25 м (рис. 5).

Толщина фундамента стен на всех исследованных участках составляет 2,5 м. Структура кладки трёхслойная, двухлицевая. Слои внутреннего и внешнего фасов сложены из крупных камней жёлтого ракушечника. Посредине идёт слой забутовки более мелким камнем. Пригонка блоков неплотная. Зазоры между камнями у стыков большие. При возведении стены они сразу забивались мелким бутом, на многих местах впоследствии выпавшем (рис. 6). Кладочный раствор, использовавшийся при возведении стены глинистый, с небольшими элементами песка и рыхлых земляных комочков. Крупные обработанные камни фундамента стены (до 1,5 x 0,6 м) заглублены в материк до 0,4 м. Фундамент северо-западной стены со стороны внешнего фаса был укреплён слоем бутового камня. Ширина данного слоя до 0,8 м. Мощность до 0,6 м. Слой бутового камня располагался на подсыпке из мелкого щебня и известковой крошки мощностью до 0,15 м. Аналогичная подсыпка выявлена и вдоль фундамента юго-западной стены. Юго-восточная стена имела подсыпку лишь на участке стыка с юго-западной стеной. В остальных местах в северо-восточном направлении подобная структура не выявлена. Она либо была разрушена поздними перестройками, либо её вообще не было.

Такая техника кладки оборонительных стен (двухлицевая, трехслойная со

¹ На участках длиной 4 м и 32 м стена выбрана, сохранилась только подсыпка под фундамент из известковой крошки и мелкого щебня.

² Большая часть стены на этом участке выбрана до бутового основания фундамента, но траншея выборки хорошо прослеживается стратиграфически.

средним бутовым слоем) свидетельствует о влиянии позднеэллинистических приемов оборонного зодчества. Она была широко распространена на поселениях хоры Европейского Боспора и всего Северного Причерноморья в первые века н. э. Оборонительные стены таких поселений, как Илурат, Савроматий, Семеновка имеют аналогичную структуру кладки. Ширина их фундаментов варьируется от 1,75 до 2,4 м. В качестве строительного материала также использованы частично обработанные квадры, большие и средние плиты ракушечника и известняка [Гайдукевич, 1958, с. 21; Кругликова, 1970, с.11, 13; Масленников, Чевелёв, 1983, с.93-94; Масленников, 1998, с. 240, 242, 254].

Оборонительные стены городища «Белинское» были усилены по угловым стыкам башнями. К настоящему времени такие башни обнаружены на западном и южном участках городища. Северный угол сильно повреждён хозяйственными ямами позднеантичного и хазарского периодов, и остатков каких либо сооружений, относящихся к ранней застройке, здесь выявить не удалось. Восточный угол повреждён воронками времён ВОВ. Кроме того, как уже отмечалось выше, рельеф местности позволяет предположить, что восточной башни могло и не быть вовсе.

Западная башня хорошо сохранилась на уровне фундамента. Она имеет близкую к квадрату форму при площади внутри периметра стен 10,24 кв. м. Располагалась она под острым углом к северо-западной оборонительной стене (рис. 4). Кладка стен двухслойная, двухлицевая. Слои внешних и внутренних фасов сложены из частично обработанных блоков желтого ракушечника местного происхождения. В северном углу башни на фундаменте стены № 114 in situ сохранился один рустованный блок первого ряда кладки (0,9x0,55x0,6, глубина руста 0,05м.) (рис.7). Условно правильную форму поверхность фундамента внешнего фаса с четко выраженным ложком имеет не весь кладочный материал. Преобладают камни средней величины (0,7x0,7; 0,7x0,6). Кладочный раствор глинистый, с примесью земли.

Часть башни или её крыша, вероятно, были деревянными. Обломков черепицы на раскопе «Западный» за четыре года исследований не найдено, в то время как древесный уголь в завале над башней и с внешней стороны фундамента встречается в большом количестве.

Бликие по размерам и форме башни известны на поселениях как Европейского Боспора, так и в целом в Северном Причерноморье [Крыжицкий, 1993, с. 181-185]. Однако в нашем случае башня расположена с внешней стороны под острым углом к куртине, что позволяет отнести данную конструкцию к системе так называемых «косых куртин», о которых сообщает Филон Византийский (Philon, VIII, 13-15). Аналогов такому устройству на поселениях римского времени в Северном Причерноморье пока не зафиксировано.

На расстоянии 1,5 м к северо-востоку от стены № 114, в северо-западной оборонительной стене выявлен сквозной проход вылазной калитки длиной

2,4 м и шириной 0,7-0,9 м. Основание прохода выложено обработанными плитами прямоугольной формы. Как с внешней, так и с внутренней стороны прохода в плитах имелись углубления под деревянные конструкции - двери внутренней и внешней калиток. Выход из калитки с северо-востока прикрывала ещё одна стена, параллельная башне (рис. 4). Сохранилась на уровне фундамента, ширина которого доходит до 1,5 м. Сложена она из хорошо обработанных блоков белого известняка. Кладка двухлицевая из крупных обработанных блоков. Кладочный раствор глинистый, с большим количеством земли.

Аналогичный проход был выявлен в юго-восточной оборонительной стене на раскопе «Южный» (рис. 5). И так же, как и на западном участке, с внешней стороны он имел защитную стену. Однако, сохранность строительных остатков здесь значительно хуже, что связано, в первую очередь, с интенсивным использованием этой территории в более поздний период. Кроме того, исследования на этом раскопе далеки от завершения, и делать какие либо окончательные выводы пока преждевременно. Можно лишь констатировать наличие здесь южной угловой башни, от которой уцелела часть фундамента.

Ни южный, ни западный участки городища не могут претендовать на роль основного широкого въезда на поселение (слишком узки имеющиеся здесь проходы). Скорее всего, такой въезд был привязан к центральной улице. Она была выявлена в ходе магнитной разведки и частично исследована на раскопе «Центральный» [Зубарев, Смекалов, 2010, с. 233]. В районе северо-западного края городища вектор улицы выходит в разрез грунтовой дороги, где прослеживаются остатки мощного фундамента, выходящего за линию северо-западной оборонительной стены. Это вполне может быть одна из башен возле основного въезда на городище.

Открытым остаётся пока и вопрос о наличии внутри периметра оборонительных стен так называемой «цитадели», характерной, по мнению А.А. Масленникова, для поселений подобного типа [Масленников, 2001, с. 96]. По результатам магнитной разведки в центральной, возвышенной части как будто бы прослеживаются какие-то крупные постройки и довольно большое свободное пространство, возможно, центральный двор, однако, к какому времени они относятся и что собой представляют без конкретных археологических раскопок говорить преждевременно.

С юго-западной стороны холм, на котором расположено городище, отделён от прилегающей территории рвом. Время его сооружения неизвестно, но наиболее вероятным, на наш взгляд, является соотнесение данного рва с периодом строительства оборонительного периметра вокруг городища, когда весь выбранный грунт или его часть ушли на поднятие южного склона плато.

Ещё один небольшой ров и вал прослеживаются с юго-восточной стороны, однако их местоположение значительно ниже основания фундамента оборонительной стены и в непосредственной близости от основного зольника городища,

не позволяют включить данное сооружение в систему фортификации последнего. Скорее всего, юго-восточный ров и вал нужно связывать с более ранним поселением, на месте которого было основано городище римского времени.

Второй период.

Разрушения середины III в. н. э. не привели к окончательной гибели городища. Напротив, к концу III в. н. э. общая территория застройки внутри периметра расширяется. В то же время при сохранении первоначальной территории фортификационные сооружения вокруг городища претерпели существенные изменения. Северо-западная оборонительная стена была восстановлена. Её фундамент укрепляется дополнительной обкладкой из тёсаных блоков жёлтого ракушечника, в результате чего ширина фундамента местами достигает 3 м. Частично восстанавливается и юго-восточная стена. А вот юго-западная оборонительная стена была, по-видимому, полностью разобрана. Вместо неё по краю юго-западного рва параллельно внешнему фасу ранней оборонительной стены возводится новая стена из крупных необработанных камней белого известняка (стена № 110) (рис. 5). Кладка двухслойная, однолицевая, щели между камнями заполнены землёй и мелким бутом, основание на подушке из мелкого хорошо утрамбованного бута. С внутренней стороны стена укреплена плотным слоем бутового камня средних и мелких размеров вперемешку с землёй (рис. 8).

Одновременно со строительством новой юго-западной стены были восстановлены и угловые башни на её флангах. Западная башня укрепляется противотаранным поясом пирамидальной или усеченно-конической формы. Он опоясывал фундамент западной башни полукругом (рис. 4). Пояс был вскрыт на участке длиной до 22,0 м (расстояние по линии фаса). Ширина 2,9 – 3,2 м. Максимальная высота выявленной кладки 1,9 м. Сохранность до 6 рядов кладки. Кладка двухслойная, однолицевая, сложена под острым углом к основанию конструкции. Кладочный материал из слоя фаса представлен крупными необработанными камнями (0,9х0,4х0,5; 1,1х0,4х0,6; 0,8х0,5х0,4) из белого известняка, среди которых выявлены и обработанные каменные изделия вторичного использования: антропоморфное надгробие? (0,4х0,12х?) и известняковый алтарь (0,3х0,2х0,4). Пригонка каменных глыб не плотная. Кладочный раствор содержит большое количество земли (рис. 9). Пространство между фасом противотаранного пояса и непосредственно стенами западной башни заполнено слоем бутового камня мелкого и среднего размеров. При этом участок на стыке северо-западной оборонительной стены с башней («косая куртина») также был перекрыт слоем бутового камня мелкого и среднего размера мощностью до 0,6 м. Подножие противотаранного пояса расположено на слое золы и горелого серо-коричневого суглинка. Самые нижние камни противотаранного пояса, лежащие непосредственно на слое пожара, следов воздействия высоких температур не содержат. С целью изучения технических особенностей противотаранного

пояса он был частично разобран на участке, прилегающем к оборонительной стене № 6 и стене № 117. Под слоем необработанных глыб и бута выявлены крупные обработанные блоки из белого известняка (0,6x0,6x0,9; 0,6x0,4x0,8), специально положенные в основание противотаранного пояса.

Аналогичная конструкция выявлена и на раскопе «Южный», на участке длиной до 3,0 м (расстояние по линии фаса). Со стороны городища эта конструкция была перекрыта каменным завалом. Максимальная высота выявленной кладки 0,7 м. Сохранность до 3 рядов кладки. Кладка двухслойная, однолицевая, сложена под острым углом к основанию конструкции. Кладочный материал из слоя фаса представлен крупными необработанными камнями из белого известняка. Пригонка каменных глыб не плотная. Кладочный раствор содержит большое количество земли. Со стороны городища кладка перекрыта каменным завалом. Скорее всего, это остатки противотаранного пояса южной башни, которая на этом участке не сохранилась.

Пространство внутри западной башни на этом этапе её функционирования было плотно заполнено крупными, в том числе и хорошо обработанными каменными блоками, образовавшими ровную площадку на уровне верхнего края фундамента. Вероятнее всего, башня была переоборудована под бастион, в котором были установлены метательные орудия. Можно предположить, что и южная башня претерпела те же изменения.

Конструкция новой юго-западной оборонительной линии городища имеет аналогии в фортификации римского времени в Крыму. Примером может служить циклопический участок нижней оборонительной стены Харакса, верхняя часть которой была сложена из бута на известковом растворе. Время её сооружения не ранее II в. н. э. [Орлов, 1988, с. 24-25].

Новая фортификационная система городища «Белинское», пришедшая на смену старой в последней четверти III в. н. э., по-видимому, отражает общую тенденцию развития фортификации на Европейском Боспоре в этот период. Так, в конце III в. н. э. дополнительным панцирем были усилены башни в Китее [Молев, 2002, с. 304], а к первой половине IV в. н. э. относится возведение комплекса крепости на горе Опук [Голенко, 2007, с. 107-112, 125].

Третий период.

На последнем этапе своего существования фортификационные сооружения городища, как показали раскопки, подверглись наиболее кардинальным изменениям. Все прежние оборонительные стены и башни были заброшены и по большей части разобраны до уровня фундамента. Поверх него местами было сооружено некое подобие небольшого вала из многочисленных камней, земли, глины, золы и бытового мусора (особенно хорошо эта насыпь фиксируется на северном участке городища). Возможно, продолжал функционировать юго-западный ров. С другой стороны, площадь внутренней застройки сократилась (на

западном участке, например, отсутствует какой-либо материал второй половины IV в. н. э.), и новая оборонительная линия могла проходить как-то иначе. Впрочем, до сих пор археологического подтверждения этому нет.

Жилые и хозяйственные постройки.

Первый период.

Территория внутри периметра оборонительных стен, судя по археологическим данным и данным магнитной съемки, была плотно застроена. Однако, неоднократные перестройки в более поздние периоды, включающие сплошную нивелировку территории, существенно затрудняют восстановление первоначального облика.

Достаточно уверенно можно говорить о регулярном характере первоначальной застройки поселения. К настоящему времени выявлено несколько улиц (включая центральную:), как параллельных, так и пересекающихся под углом, близким к прямому (рис. 3;10). Они имели разную ширину (от 2,5 до 5 м.), но сходное покрытие: светлая известковая крошка, мелкий бут, фрагменты битой керамики с примесью золы толщиной от 0,05 до 0,2 м. Покрытие центральной улицы представляло собой крошку жёлтого ракушечника (толщиной до 0,26 м.) на слое бута.

Улицы делили территорию городища на отдельные сектора (кварталы), внутри которых располагались, по-видимому, достаточно однотипные жилые дома и хозяйственные постройки. В первую очередь, это прямоугольные в плане дома казарменного типа, открытые на северном участке городища. К их числу можно отнести помещения № 7, 8 и 19 (рис. 3). Площадь их внутреннего пространства достаточно велика – более 80 м² и делится перегородкой на две неравные части. Во всех помещениях имелись очаги для отопления. Скорее всего, к этому же типу построек следует отнести и четыре помещения, примыкающие к центральной улице (рис. 10). Однако малая площадь раскопа на этом участке не позволяет ответить на этот вопрос точно.

Из всех жилых помещений первого периода лучше всего сохранилось помещение № 7, непосредственно примыкавшее к оборонительной стене. Оно подверглось меньшим перестройкам и имело чётко стратифицируемые два уровня пола, между которыми находилась прослойка, образовавшаяся в результате пожара середины III в. н. э.

Помещение имело прямоугольную форму с небольшой перегородкой в юго-восточной части. Общая площадь помещения – 85,2 кв. м, площадь огороженной части – 24 кв. м (или 28%). Вход в помещение, шириной 1,7 м, располагался с северо-восточной стороны. Слева от входа помещался очаг (1,65 м X 0,9 м). В северном углу помещения имелась небольшая ниша, которая использовалась в качестве небольшого домашнего алтаря над культовым погребением собаки в основании фундамента. Часть помещения слева от очага, возможно,

выполняла хозяйственные функции, там сохранились небольшой участок вымостки, остатки вкопанного в пол пифоса и хозяйственная яма. Последняя, судя по её заполнению (зола и многочисленные довольно крупные фрагменты краснолаковой посуды), может трактоваться как культовая [Крыжицкий, Лейпунская, 2009, с. 252].

Прочие постройки, связанные с периодом основания городища, выполняли хозяйственные и вспомогательные функции. Часть из них непосредственно примыкала к оборонительным стенам (например, помещение № 45 вблизи западной башни). Другие находились на определённом удалении от неё (рис. 3). Их функциональное назначение было различным. Так, внутри помещения № 1, площадью 12,76 м², имелись кормушки, сложенные из плоских плит, врытых в материк, что указывает на то, что помещение предназначалось для содержания скота в зимний период (помещение отапливалось).

Помещение № 23 имело квадратную форму, его площадь составляла 20 м². В восточном углу, справа от входа располагалась печь размером 1,25 м × 1,05 м, имевшая глиняную обмазку. Пол помещения вымощен. Вход в помещение вел с юго-восточной стороны. Возможно, помещение являлось жилым или использовалось в качестве кухни, о чем свидетельствуют многочисленные обломки лепной и столовой краснолаковой посуды.

Вне вымощенных участков полы помещений - земляные, с примесью золы и мелкой ракушки. Часть стен, по всей видимости, была глинобитной на каменных цоколях. Ширина каменных цоколей – от 0,6 до 0,8, сохранившаяся высота – 0,4 – 0,8 м. Кладка двухслойная, постелистая, иррегулярная, сложенная на глине и грязи, заглублена в материк на 0,1 – 0,2 м. Для оформления углов и дверного проёма в жилых помещениях использовались крупные хорошо обработанные блоки. Для кровли, вероятно, применялись деревянные перекрытия.

Большая площадь помещений, сочетание жилой и хозяйственной функций, а также близость к крепостной стене позволяют предположить, что эти помещения являлись казармами для солдат военного формирования, располагавшегося в Белинском городище на начальной стадии его существования.

Вопрос о составе воинского контингента и времени его пребывания на городище – сложный и в настоящее время не имеет однозначного ответа. Дома казарменного типа как будто бы свидетельствуют в пользу исключительно военного характера поселения, однако такая ситуация продолжалась недолго. Уже к середине – второй половине II в. н. э. на некрополе городища наблюдается довольно большое количество женских и, особенно, детских захоронений. К этому же времени следует отнести и начало перепланировки жилых построек: из домов казарменного типа в многокамерные здания с жилыми, хозяйственными помещениями и домашними святилищами, с вымощенным внутренним двориком или без него. Скорее всего, новая структура внутренней застройки городища в общих чертах сложилась уже к середи-

не III в. н. э., однако археологически в полном объёме её удаётся проследить лишь применительно ко второму строительному периоду.

Второй период.

Общая планировка внутренней застройки городища в этот период почти не претерпела изменений. Направление, ширина улиц и структура кварталов сохранились. Были восстановлены прежние помещения, разрушенные или повреждённые в ходе событий середины III в. н. э. Многокамерные дома формировались путём перегораживания больших помещений казарм, а также в процессе пристройки к ним дополнительных помещений.

Так, к помещению № 7 были пристроены ещё четыре (помещения 4, 2, 3, 5). Связанные внутренним двориком, они образовали одно здание площадью около 200 м². 30% этой площади занимал внутренний дворик (рис. 11.1).

Помещение № 8 вместе с пристроенными к нему помещениями № 9 и № 10 также объединяются в одно здание (рис. 11.2). При этом помещение 8 сохраняет статус жилого, однако часть его отгораживается для хозяйственных нужд. Пол в этой отгороженной части был вымощен, по углам имелись две хозяйственные ямы, а на полу находился развал амфор типа «Делакеу». Площадь помещения 10 сократилась до 48,1 м² из-за возведения новой стены. Хозяйственное назначение имело, скорее всего, и помещение № 10, примыкавшее к помещению № 8 с юго-востока. С северо-запада к помещению № 8 была добавлена небольшая пристройка площадью около 5 м² (помещение № 9). Наличие в его северо-западной части алтаря в виде прямоугольного ларя, составленного из плит и заполненного золой, перемешанной с грунтом, позволяет интерпретировать это помещение как домашнее святилище. Подобные святилища выявлены во всех основных центрах Северного Причерноморья, а также на поселениях их хоры [Крапивина, 2012, с. 204].

Ещё одно здание сформировалось вокруг помещения 19, к которому в результате перестройки были добавлены четыре новых помещения (помещения 24, 25, 31 и 32) и хозяйственный дворик (рис. 11.3). Общая площадь здания составила 106 м². Одно из помещений служило домашним святилищем, два были жилыми и два имели хозяйственное значение.

Все перечисленные выше здания сосредоточены в северной части городища (раскоп «Северный»), которая к настоящему времени наиболее хорошо изучена археологически. Картина на других раскопах менее выразительна, хотя и здесь можно выделить ряд помещений, существовавших на протяжении длительного времени и, возможно, являвшихся частью более крупных построек. На раскопе «Центральный» это помещения № 39-40 и 42-43, а на раскопе «Южный», соответственно, помещение № 38 (рис.9; 5). Данные археологических раскопок дополняют результаты магнитной съёмки в восточной части городища, где на площади около 1,5 га выявлены аномалии, которые можно интерпретировать

как дома-помещения площадью 80 – 120 м², что вполне согласуется с ситуацией на раскопе «Северный» [Зубарев, Смекалов, 2010, с. 236-237].

Полы в помещениях, за исключением вымощенных хозяйственных участков, как и в первый период, оставались земляными. Конструкция стен также аналогична стенам предыдущего периода с той разницей, что кладки стали грубее и в кладочном растворе встречается больше глины и земли. Возможно, это следствие изменившегося этнического состава населения городища, что нашло отражение и в погребальных традициях (типичные для первого периода грунтовые могилы и склепы с уступчатым перекрытием полностью вытесняются вырубленными склепами с коротким дромосом).

В целом, несмотря на сохранение традиций предшествующего периода, можно отметить определённую деградацию приёмов строительной техники. В частности это отразилось на практике покрытия крыш черепицей.

За всё время раскопок на городище найдено всего несколько десятков фрагментов черепицы. Из них 80% – черепица местного боспорского производства, а 20% - привозная светлоглиняная синопская. Столь малое количество остатков кровельного материала ещё не говорит о том, что черепица была мало распространена. Возможно, после разрушений она была увезена жителями с городища на новые поселения. Подобная ситуация наблюдается и на Илурате [Гайдукевич, 1958, с. 31]. Другое дело – распределение находок по периодам. На городище «Белинское» фрагменты черепицы обнаружены на раскопах «Северный», «Южный» и «Центральный». Большая их часть (60%) найдена в слое I строительного периода, меньшая (30%) происходит из слоя II периода, оставшиеся 10% извлечены из ям позднего перекопа. Такая тенденция во второй половине III – IV вв. н. э. наблюдается даже в некоторых крупных античных центрах Северного Причерноморья, например, в Ольвии. Здесь завал перекрытия одного из так называемых «послеготских» домов показал, что крыша здания второй половины III – IV вв. н. э. была покрыта не черепицей, как это обычно практиковалось в античных населённых пунктах, а соломой и камышом [Зубарь, Сон, 2007, с. 203].

Третий период.

Большинство зданий после разрушений конца первой четверти IV в. н. э. было заброшено. Общая площадь застройки, по-видимому, сильно сократилась. На раскопе «Северный» из прежних построек продолжало функционировать лишь одно здание, включающее помещение 19 и два отдельных помещения (№ 10 и № 23), однако появляется большое количество небольших по площади помещений, в основном имевших хозяйственное назначение. Внутри двух из них находились алтари, что позволяет рассматривать эти помещения как домашние святилища. Кроме того, здесь обнаружены остатки нескольких вымоستков (самая большая по площади вымостка № 16), часть из которых могла являться хозяйственными дворами (рис. 3). На остальных раскопах строительные

остатки представлены преимущественно отдельными небольшими стенками и загородками, а также ямами различного назначения.

Новым на этом этапе стало появление больших грушевидных в плане ям, вырубленных в скальном грунте и имеющих каменную обкладку горловины. Из 102 ям, исследованных к настоящему времени на городище, только четыре имеют подобную конструкцию, и все они функционировали в третий строительный период.

Ещё одно изменение, произошедшее в это время, связано с находками артефактов, свидетельствующих не столько об инновациях в застройке поселения, сколько об изменении в занятиях его жителей. Речь идёт о выявленных при раскопках фрагментах переносного тарапана и большом количестве культовых моделей этого атрибута виноделия (23), излечённых из ямы – фависсы вместе с тремя миниатюрными алтариками и крупными фрагментами амфор с дипинти. Подобных находок в слоях и постройках предшествующего времени пока не найдено.

Произошедшие на заключительном этапе существования городища «Белинское» изменения, включая отсутствие долговременных оборонительных сооружений, позволяют сделать вывод об эволюции этого поселения в сторону обычного селища, жители которого занимались преимущественно сельским хозяйством, включая такую его отрасль, как виноградарство.

Благоустройство.

Городище с самого начала имело достаточно высокую степень благоустройства. Помимо хорошего покрытия улиц, имелись открытые водостоки, выходящие за линию оборонительной стены. Один такой водосток был выявлен вблизи западной башни (рис. 4), два других, сохранившихся значительно хуже, на северном участке. Во второй строительный период западный водосток был заброшен, однако, продолжали функционировать водостоки на северном участке, и появился ещё один водосток на востоке городища. Даже на заключительном этапе в жизни городища, несмотря на некоторое запустение (северные водостоки были разрушены и засыпаны мусором), система водостоков продолжала действовать. Сохранился восточный водосток, а вместо разрушенных был построен новый (участок этого нового водостока был обнаружен на раскопе «Северный» вблизи предполагаемого главного въезда на городище).

Ещё одним элементом благоустройства являлась правильная организация застройки территории городища: отсутствие скученности жилых и хозяйственных построек и наличие свободного пространства между ними, дающего доступ воздуху и солнцу. Ни один дом, выявленный в ходе раскопок, по крайней мере, на начальном этапе жизни городища не был построен вплотную к другому. По данным магнитной разведки на восточном участке городища половину площади застроенной территории занимали улицы [Зубарев, Смекалов, 2010, с. 236].

И, наконец, третьим компонентом благоустройства можно считать наличие централизованного места сбора мусора, т. е. свалки. Единственный большой

зольник городища «Белинское» располагался к юго-востоку от него, за пределами оборонительного периметра (рис. 2). Лишь на заключительном этапе существования мусор стал сбрасываться на отдельных, заброшенных к этому времени, участках внутри периметра.

Итак, возникнув как военное поселение, городище «Белинское» достаточно быстро стало изменяться в сторону поселения городского типа. Этому способствовал целый ряд благоприятных факторов: удобное расположение на перекрёстке дорог, относительная близость моря, наличие надёжного источника воды и, что немаловажно, успешная экспансия Боспора в западном направлении, отодвинувшая границы государства от Узунларского вала. Как показали исследования некрополя городища, наиболее ранние захоронения здесь относятся к концу II в. н.э., и среди них есть как женские, так и довольно многочисленные детские погребения.

Изменяется и характер застройки. Появляются многокамерные здания с внутренними двориками, увеличивается количество хозяйственных помещений, резко возрастает число хозяйственных ям. Можно предположить и появление каких-то общественных зданий. Косвенным подтверждением этому могут служить находки на городище фрагмента мраморной строительной плиты и мраморной облицовочной плитки. Процесс эволюции в сторону дальнейшей урбанизации продолжался бы и дальше, однако он был прерван в середине III в. н.э. начавшимся нашествием варваров, а затем и вовсе прекратился.

ЛИТЕРАТУРА

- Гайдукевич В. Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948-1953 гг. // МИА. 1958. №85.
- Голенко В. К. Древний Киммерик и его округа.- Симферополь.- 2007.
- Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М. 2005.
- Зубарев В. Г., Смекалов С. Л. К вопросу о планировке и численности населения городища «Белинское» на начальном этапе его существования // ДБ. 14. М. – 2010. С. 233-243.
- Зубарев В.Г., Куликов А.В. Монетные находки с городища «Белинское» // ДБ. 15. 2011. - С. 173-178.
- Зубарь В. М., Сон Н. А. Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху.- Симферополь.- 2007.
- Кративина В. В. Домашние святилища античных памятников Северного Причерноморья // БИ.- Вып. XXVI.- Симферополь-Керчь.-2012.- С. 182-217.
- Кругликова И. Т. Раскопки поселения у дер. Семеновка. // МИА. 1970. №155.
- Крыжисцкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. – Киев. 1993.
- Крыжисцкий С. Д., Лейтунская Н. А. Об интерпретации культурных напластований в жилых домах (на примере жилых кварталов эллинистического времени в Ольвии) // БЧ.- X.- Керчь.- С. 249-253.
- Масленников А. А., Чевелёв О. Д. Охранные раскопки на Ново-Николаевском городище.// КСИА. 174. М. 1983. – С. 91-95.
- Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М. 1998.
- Масленников А. А. Сельские поселения Европейского Боспора (Некоторые проблемы и итоги исследований) // БИ. – Вып. I. – Симферополь. 2001. – С.75-100.
- Молев Е. А. Система обороны Китея. // БИ.- Вып. II.- Симферополь.- 2002. С.297-312.
- Орлов К. К. Архитектурные комплексы Харакса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев. – 1988.- С.16-27.

В.Г. Зубарев, Е.Е. Седых

ПЛАНУВАННЯ ТА ОСНОВНІ ЕТАПИ ЗАБУДІВЛІ
ГОРОДИЩА «БЕЛІНСЬКЕ» У II – ПЕРШІЙ ПОЛОВИНІ V ст. Н. Е.

Резюме

В статті аналізуються основні етапи забудівлі городища «Белінське» у Східному Криму на протязі всього часу його існування. Розглядаються особливості оборонної лінії городища, дається характеристика будівельних залишків житлових та господарських споруд, зачіпаються питання благоустрою. Автори припускають, що городище, яке виникло як військове поселення-фортеця, поступово розвивалось у бік поселення міського типу. Цей процес був перерваний у середині III ст. н. е. почавшимся навалом варварів, а потім і зовсім припинився.

В. Г. Зубарев, Е. Е. Седых

ПЛАНИРОВКА И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЗАСТРОЙКИ
ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ» ВО II – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ V вв. Н. Э.

Резюме

В статье анализируются основные этапы застройки городища «Белинское» в Восточном Крыму на протяжении всего времени его существования. Рассматриваются особенности оборонительной линии городища, даётся характеристика строительных остатков жилых и хозяйственных построек, затрагиваются вопросы благоустройства. Авторы предполагают, что, возникшее как военное поселение-крепость, городище постепенно развивалось в сторону поселения городского типа. Этот процесс был прерван в середине III в. н. э. начавшимся нашествием варваров, а затем и вовсе прекратился.

V.G. Zubarev, E.E. Sedykh

PLANNING AND THE MAIN STAGES OF BUILDING
THE SETTLEMENT BELINSKOYE IN THE 2nd – FIRST HALF OF THE 5th cc. BC

Summary

The main stages of building up the settlement Belinskoeye in the eastern Crimea during the whole period of its existence are analyzed in the article. The authors observe peculiar features of the defensive line of the settlement, characterize remains of residential buildings and household structures, and relate to the matters of improvement. The authors suggest that the settlement, which appeared as a military settlement-fortress, gradually developed towards an urban settlement. This process was interrupted in the middle of the 3rd century AD, when the invasion of the barbarians began, and then completely stopped.

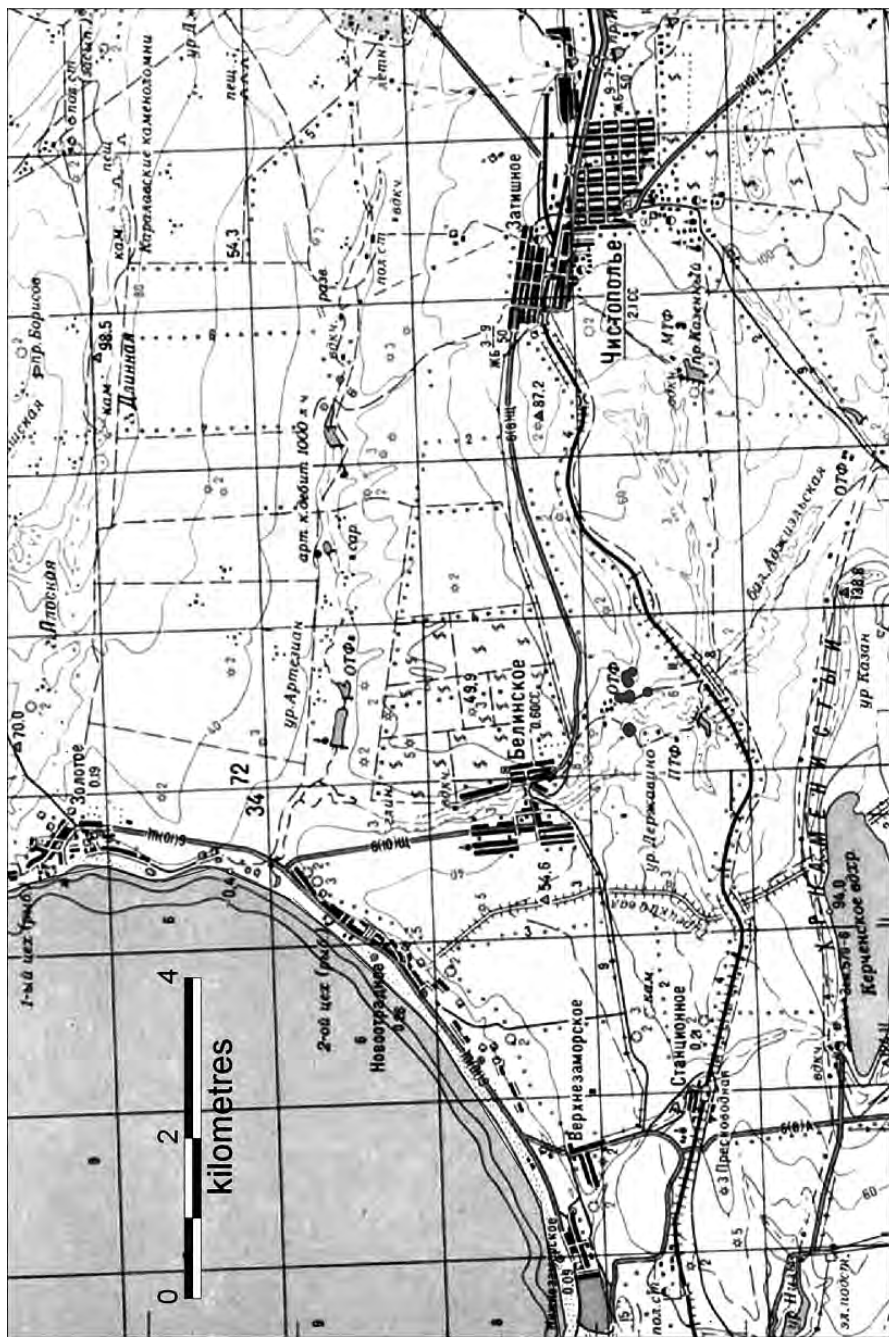

Рис. 1. План расположения городища «Белинское» и его некрополя на местности.

Рис. 2. Контур внутренней части городища и раскопы 1996 – 2012 гг.

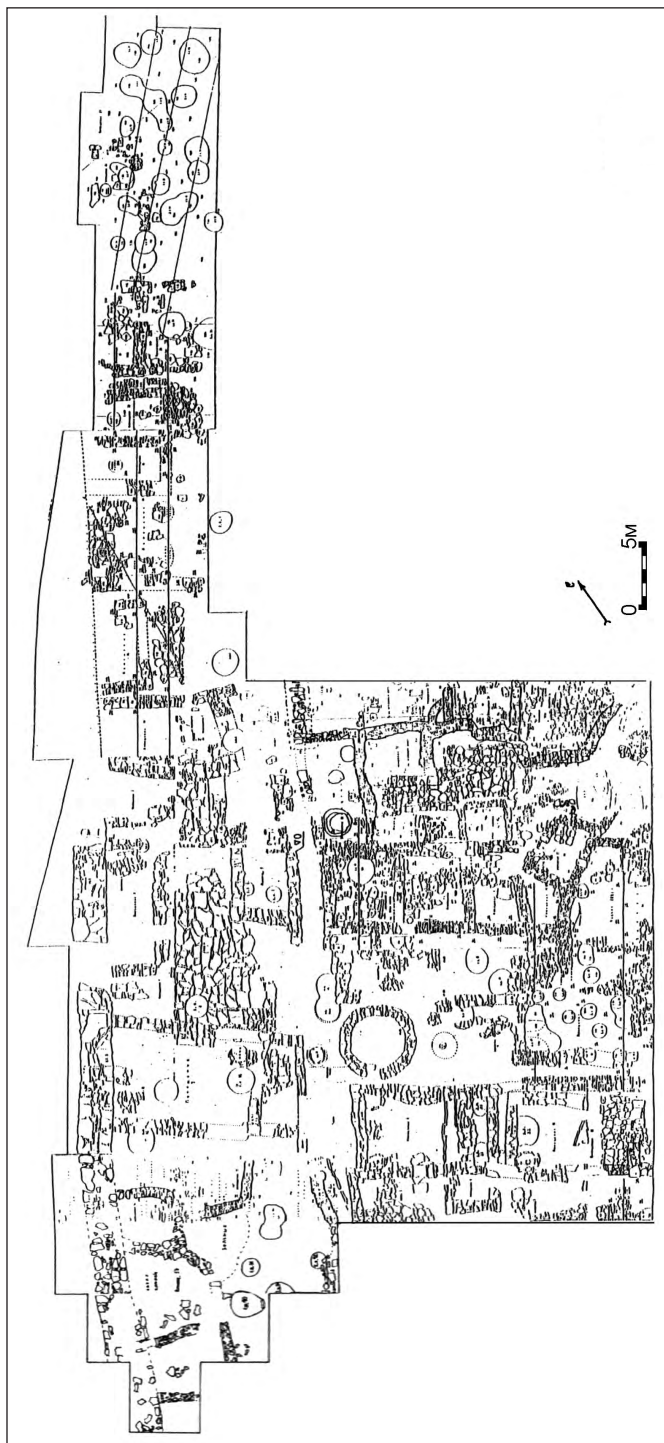

Рис. 3. План-схема раскопа «Северный».

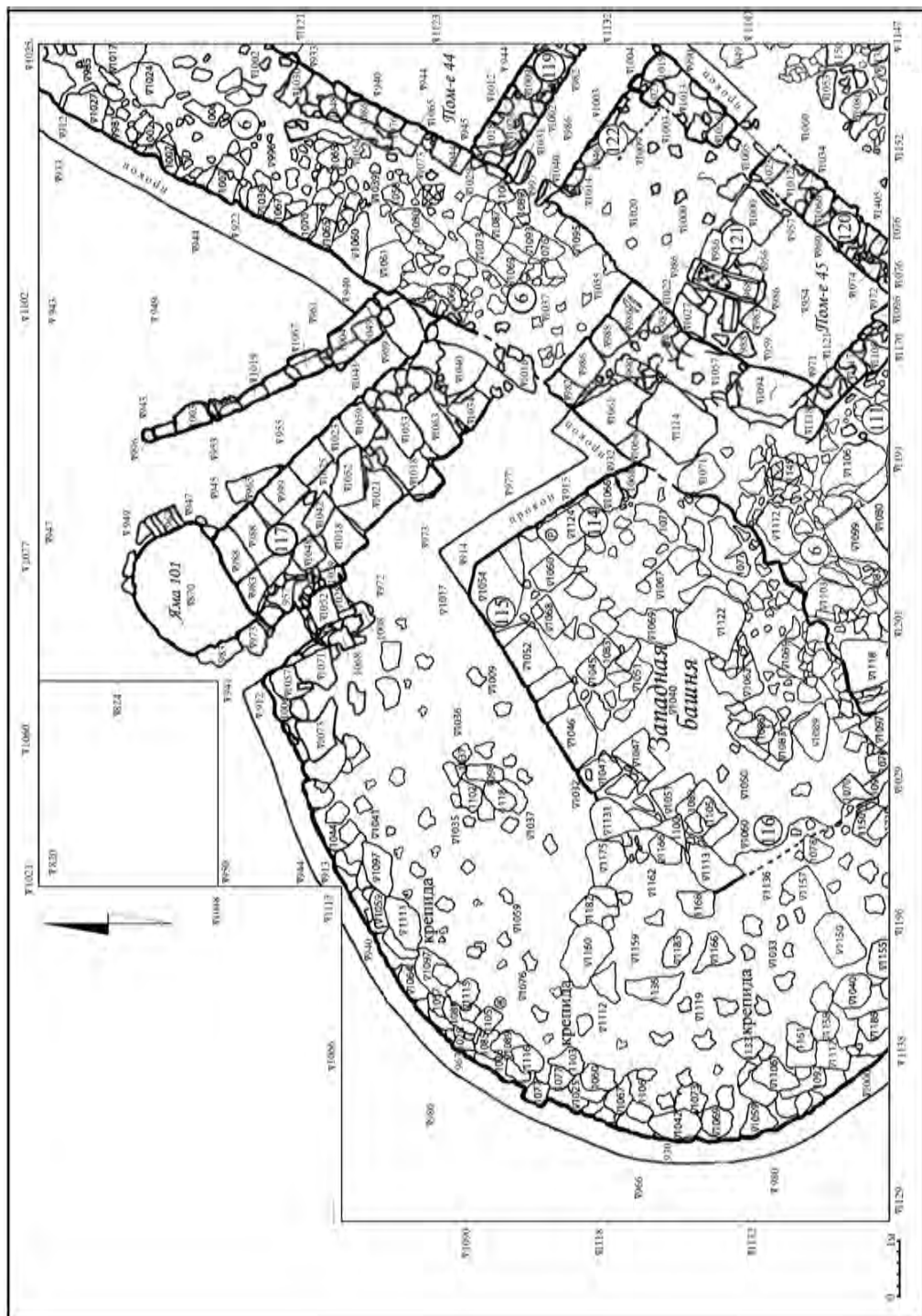

Рис. 4. План-схема раскопа «Западный».

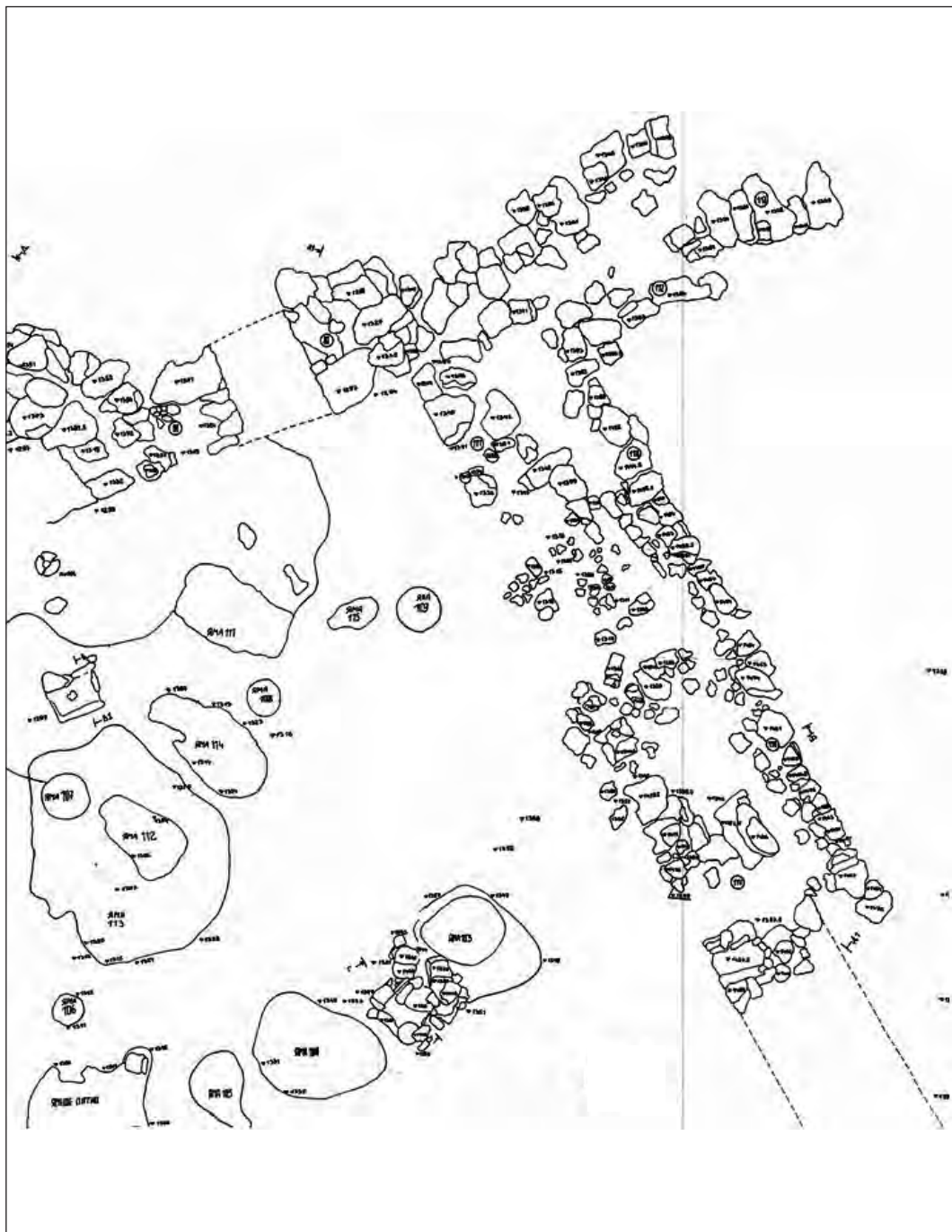

Рис. 5. План-схема раскопа «Южный».

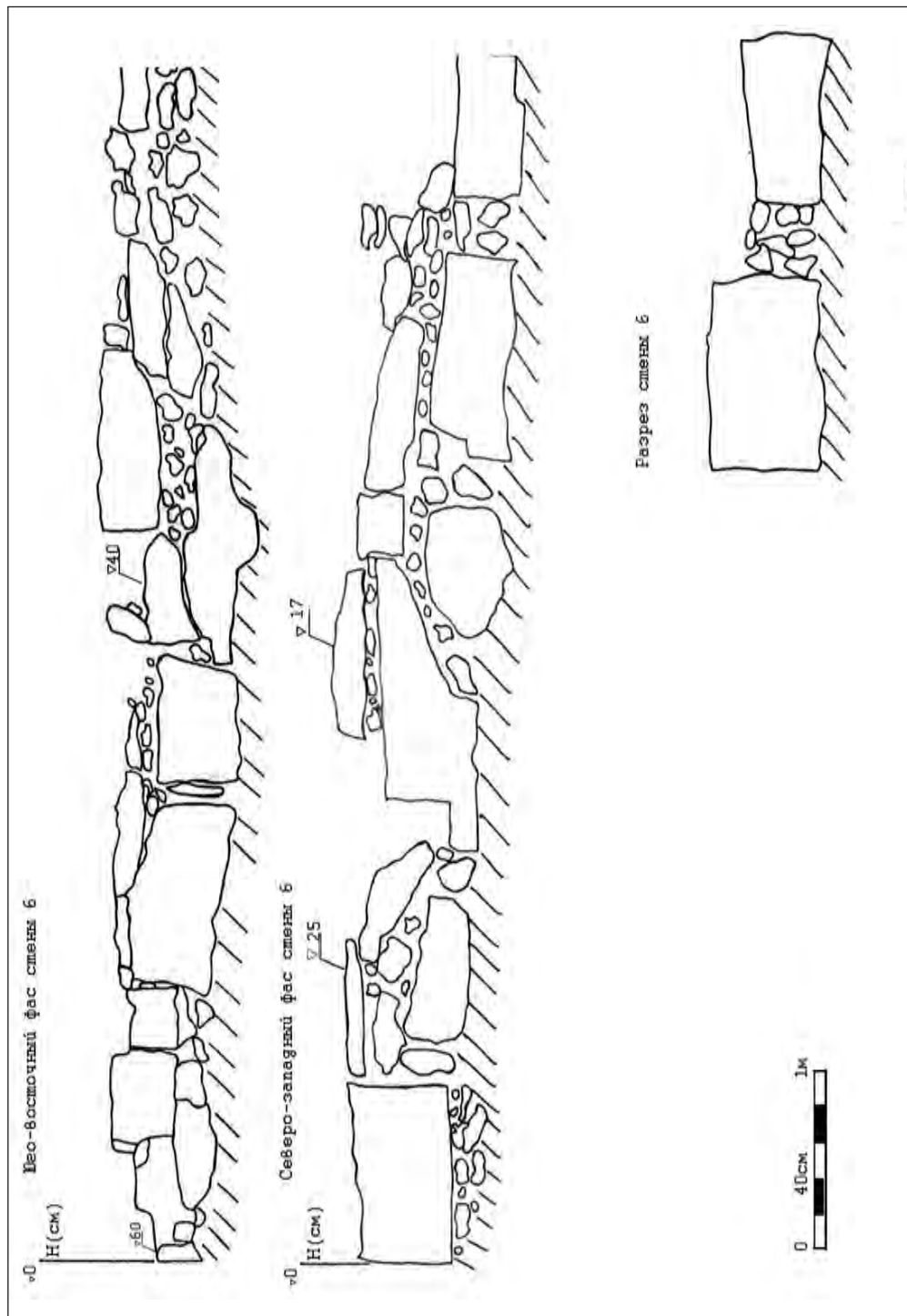

Рис. 6. Фасы и разрез северо-западной оборонительной стены.

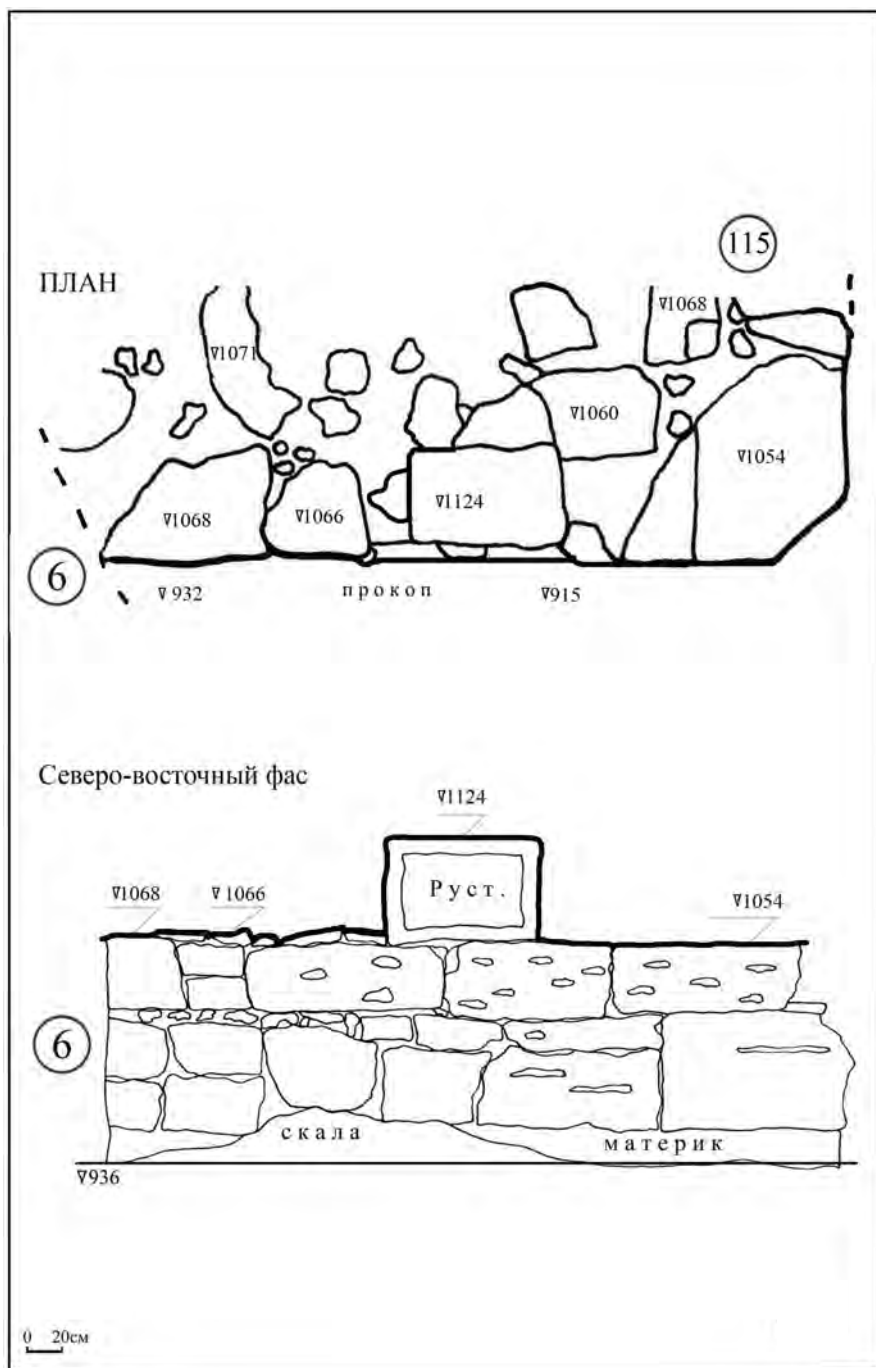

Рис.7. Северо-восточная стена западной башни с рустованным блоком первого ряда кладки.

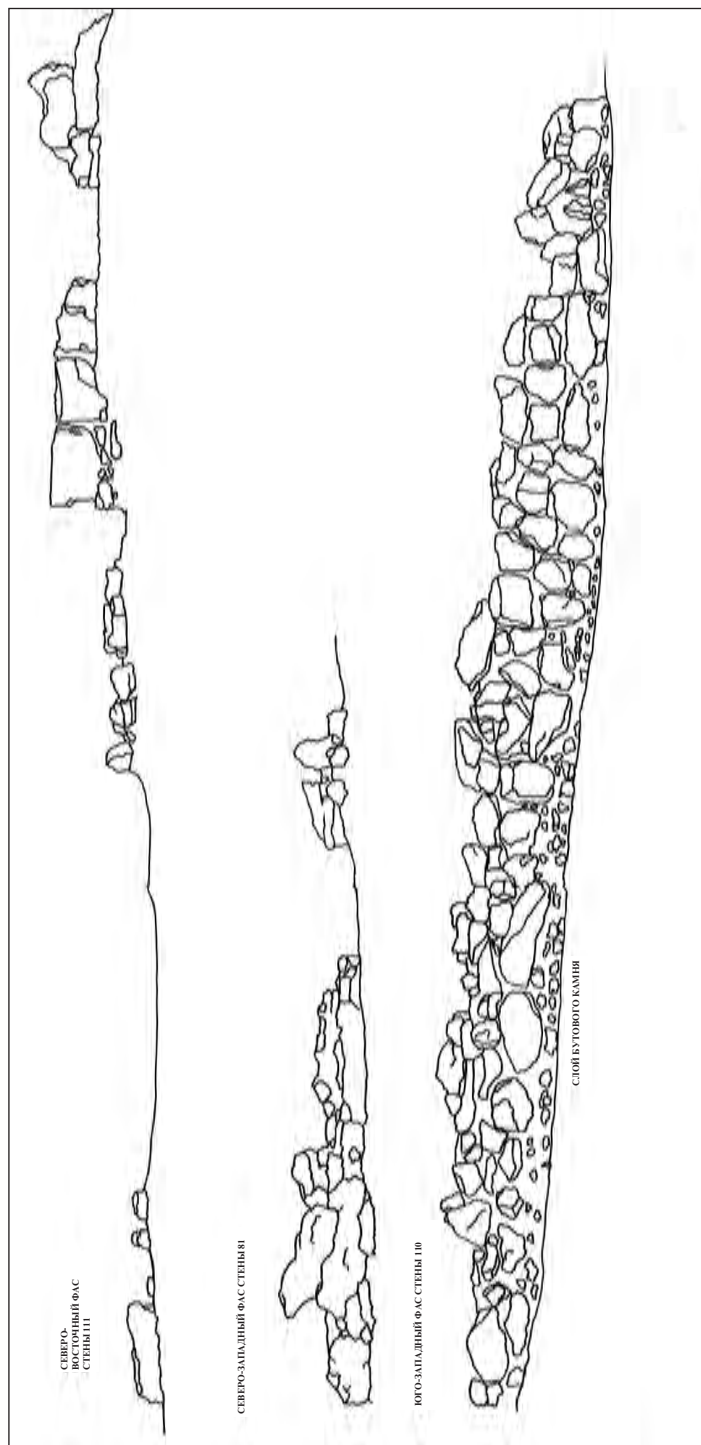

Рис. 8. Фасы юго-западной и юго-восточной оборонительных стен и стены № 110.

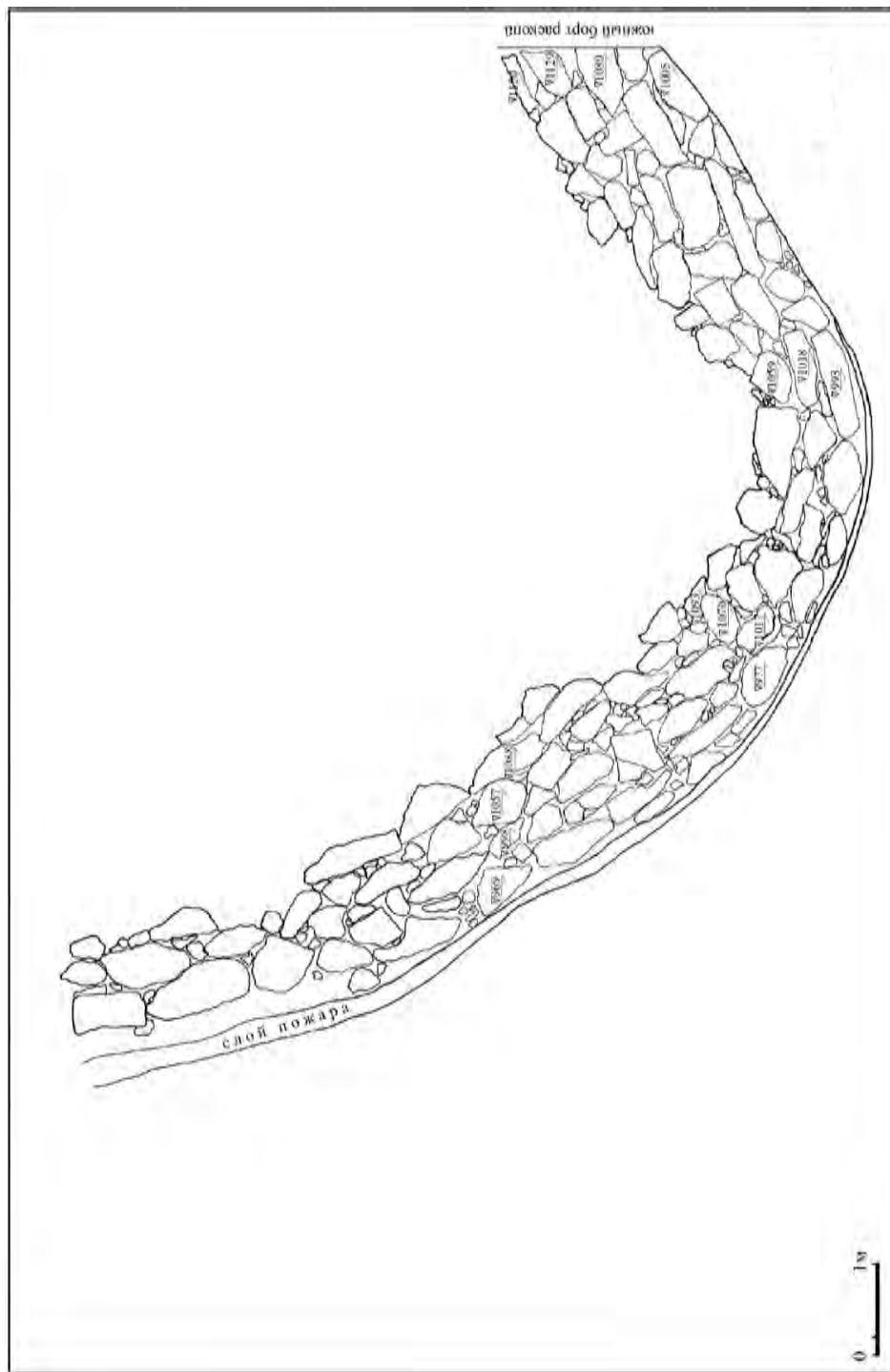

Рис. 9. План и фас противотаранного пояса западной башни.

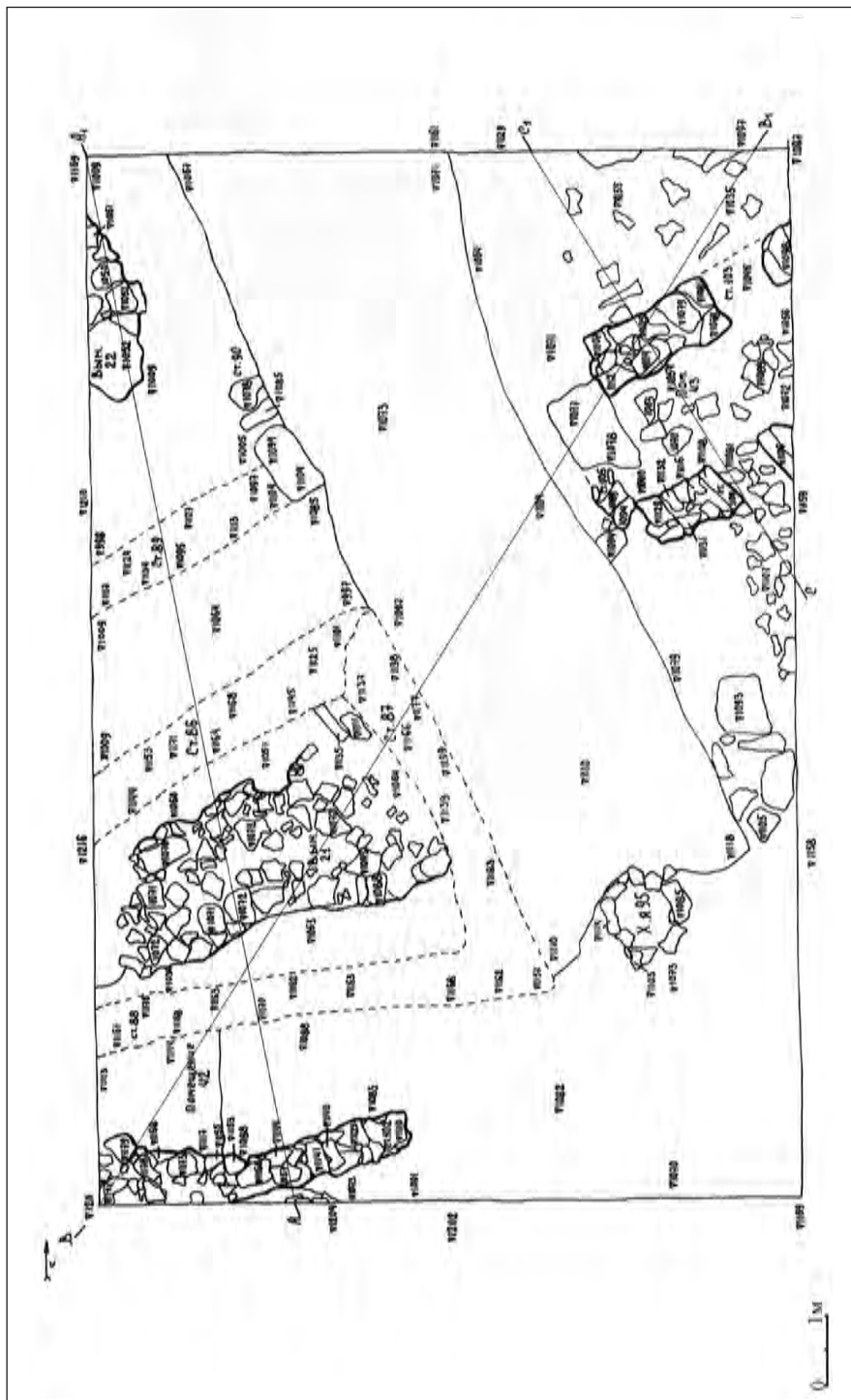

Рис. 10. План-схема раскопа «Центральный».

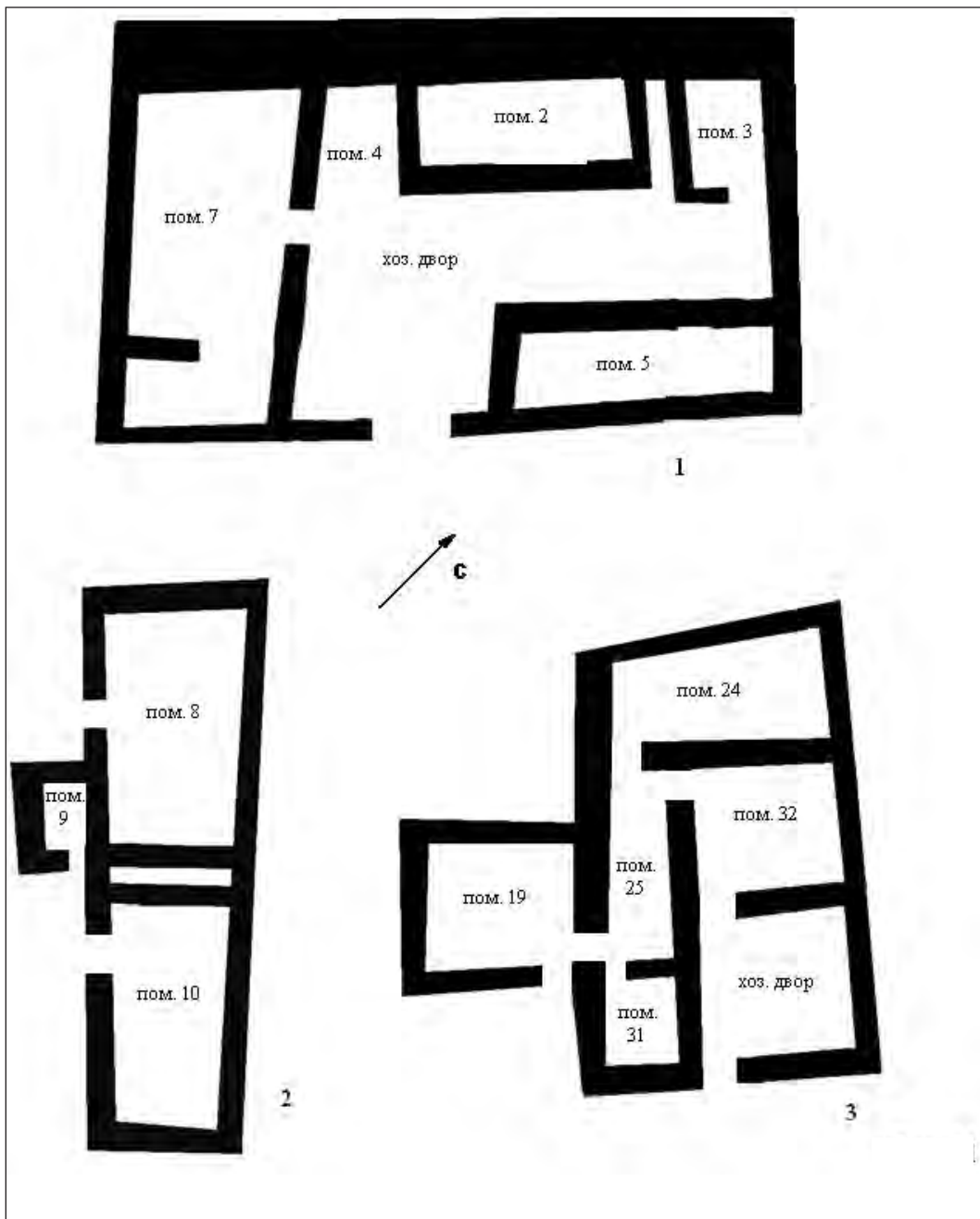

Рис. 11. Планы зданий второго строительного периода.